

"Скульптура проста, как природа..."

I.

Фрагменты автобиографии

С Родиной, с происхождением у меня все в порядке. Некто Мудрый и Щедрый подарил мне мои Роксоляны — малую родину, откуда я не выкину ни камушка, ни даже пенька, о который обивал пальцы, когда бегал босиком, не говоря уже о древних кручах над лиманом, усыпанных античными черепками, о степи курганной, о близости Моря и Города.

Родился и рос я среди консервативных и "запёклых" до работы людей, где крестьянский труд доведен до культа. Порой он, этот труд, кажется непосильным, но не заниматься им или заниматься небрежно считается здесь позорным.

.....

Я же больше всего не любил копаться в земле. Коров пасти — да, охотно. Но плохо справлялся со своими обязанностями огородными. Эта проклятая работа отнимает все силы и все внимание... За мою нелюбовь к ковырянию в земле Бог наказал меня, сделав скульптором. Здесь еще хуже: глина, гипс, пластилин...

.....

Чувствовать, созерцать, мечтать я научился в Роксолянах. Когда стоишь на круче, перед тобой открывается невероятный простор. Слева — тонкая линия косы, где гирло Днестра, справа — силуэт древней крепости Аккерман. Дух захватывающий перламутровый простор с парящими птицами, шумящими камышами, белеющими парусами...

Это место, где рождается мечта, здесь воображению нет предела, как нет тверди, куда бы уперся, остановился взгляд. В желто-красной глине круч гнездятся птицы пестрые — ракши у нас называются. Звучат цикады, пахнет чабрецом и морем, а внизу идут стада... Вокруг степь с курганами — равнина с неглубокими балками, расчерченная тремя дорогами — продолжениями улиц села. Голливуд специально изобретает такие пейзажи, и это стоит больших денег, а мне досталось задаром на всю жизнь.

Я любил смотреть. У меня даже гнездо там было свое — и я подолгу сиживал в нем — восторг!

.....

Детство — эта такая страна, такая планета... Уверен, убежден, что все главное в человеке происходит, создается в детстве. Формируется душа и мировосприятие. Накапливается некая живительная сила духовная, которая, как источник, питает человека всю жизнь.

Да, была война, порой было страшно и голодно, холодно, была нищета. Говорят, было трудно, опасно, ужасно. Но как все было интересно!

За детство зацепишься — и не вылезешь. Я же говорю, все, что потом — лишь проигрывание, переигрыванье, воспоминание того, что неосознанно, и еще неназванное в тебе уже было. Это как первая работа. У меня есть такая, "Стародавняя песня" называется. В ней было все. Потом пошло развитие и совершенствование заключенных в ней состояний и тем.

Конечно же, на формирование художника влияет и место, где родился, и окружение, в котором рос, и семья, и друзья, и удача.

Если бы я тогда сознавал, что жизнь коротка, что надо ценить время и силы, а не расходовать их почем зря! Теперь понимаю, что обстоятельства моей жизни как нельзя лучше способствовали тому, чтобы из меня получился художник. Но я, как был, так и остаюсь человеком — легко-мысленным и расточительным.

Не позднее 1994 г.

Каролино-Бугаз

Там неслыханное море моей мечты соседствует с плоским лиманом моей роксолянкой жизни. Море как стихия свободы — и лиман как препятствие.

Здесь все состояние моего детства.

Роксоляны — это место, где родилась Мечта (не могла не родиться).

Ее видно с кручи.

Март-апрель 2003 г.

.....

Дедушка построил хату у самого "скифского кургана". Все наши детские игры проходили "на могилах". Это дало мне повод другу моему (дядьке Володе Руденко) написать такие строки и приложить фотографию моего деда, а его отца:

У груди материнской земли
Родились мы. Там предки сражались со смертью.
Знать, земля нас поила бессмертьем,
А курганы травой заросли.

Строг, величествен Дедушкин лик,
Он следит за тобой и за мною,
Чтобы мы не забыли ту память земли,
Где история пахнет травой...

II.

О творчестве. Этюды о материале

Жизнь моя делится на две части: до Художественного училища и после. Жизнь до него — это детство, родня, война, школа... бегство из колхоза, комсомольская путевка на стройки коммунизма... армия, работа чернорабочим... После Училища — новое рождение, выбор судьбы. Мое служение Делу, к которому готовилась душа в смутных потемках, среди множества дорог и бездорожья, томясь в невежестве. Шла на ощупь, по какому-то наитию, по чьему-то видению... и нашла.

"Ангел мой, иди со мной. Будь со мной, ты — впереди, я — за тобой".
Не позднее 1994 г.

.....

Одесское Художественное училище. О нем я мечтал больше Суриковки, больше Мухинки. Мне нужна была Родина для души. Родная аура, родные стены, атмосфера... время и место для исполнения всего сокровенного, что намечалось, собралось в душе! Надо сказать, что ко времени моего 2-ого поступления (первое в 1951 г., я ушел, мне не понравилось) я уже набрался жизненного опыта...

Но я никогда не бросал рисования, много читал, самообразовывался, и эта привычка осталась на всю жизнь. Поэтому свое образование считаю "как бы не общим". К тому же я знал себя: если появятся благоприятные условия для занятий — я сверну горы, ибо я жил на своей религии. Педагоги — я любил тех, кто не мешал мне. (...)

Моя Alma Mater, Художественное училище больше всего помогло мне стать вполне работоспособным. Дело оставалось за малым — утвердиться

в этой жизни, в художественном мире. Преподавал здесь же, в этих стенах, в детской художественной школе. Работал, выставлялся. Как молодой художник был направлен в Палангу, в Дом творчества, где пробыл вместо двух — четыре месяца: комиссия решила оставить на второй срок для окончания начатых работ. Всего же я выставил для отчета 40 с лишним художественных произведений. Так что первоначально комиссия решила, что это отчет всего скульптурного заезда. Председатель комиссии Царева, дама из министерства, распорядилась отвезти мою выставку на Кузнецкий мост в Москву. Однако мне было не до этого (о чем жалею). Я так окунулся в работу, что пребывание в Паланге (1968 г., январь — февраль — март — апрель) перевернуло мое представление о скульптуре.

Дело в том, что там открылась грандиозная выставка народной деревянной скульптуры из Полесья. А поскольку я и начинал-то с дерева (и люблю дерево за его живую плоть), то особенно внимательно вглядывался в саму пластику, в технику резьбы. Я был в счастливейшем состоянии творчества. А что такое творчество? — Приобретение знаний. Знания я приобретал в активной работе. Что есть скульптура для меня? — На всю жизнь утвердившиеся убеждения, к которым я возвращался и возвращался. Скульптура, ее безошибочный ориентир на народную, традиционную пластику, на многовековую выверенность формы, использование материала (как соавтора)... Какою должна быть современная скульптура? — Я пришел к такому заключению: мир традиции сталкивается с миром модерна, и у этих двух миров разные языки, они не понимают друг друга. Идея — связать в единый образ глубоко индивидуальное с традиционным, дать направляющее слово, перевести на всем понятный язык свою художественную мысль. Эти убеждения выработывались в наших бесконечных спорах: что такое современное искусство, которому было бы дано пожить подольше.

Март-апрель 2003 г.

.....

С материалом я вступаю в диалог. Он будто становится моим соавтором. В нем как бы изначально присутствует архитектоника построения. Дерево для меня как школа формообразования. Оно дает ритм, напряжение масс, внутреннюю конструкцию... На каждом этапе материал словно говорит тебе: "не разрушь". Конечно, не обходилось без перехлестов. Однако в процессе работы я находил новые свойства дерева как материала для скульптуры. Дереву я многим обязан: материал дисциплинирует,

учит, дает абсолютно другое ощущение времени. В каком-то смысле — вводит в вечность. В дереве могут сидеть Мавка, Дафна... Меня всегда смущало, когда дерево переводили в портрет Ленина, Кирова... Это — сиюминутность. Все сказанное выше относится и к камню, да и ко всякому материалу для творения.

Дерево

Скульптуру я почувствовал после того, как стал заниматься деревом. Я полюбил его за живую плоть и за его пластические возможности. К деревьям у меня особое отношение. Среди детей земли эти творения мне кажутся самыми благородными. Гордо и смиренно они живут в этом мире. Щедро отдают свою красоту и себя. Чистые образцы идеального бытия на земле.

Каждое дерево — это изваяние жизни, созданное природой. Становясь материалом после гибели, дерево продолжает вторую жизнь в руках человека. И дать материалу душу, узаконить его вторую жизнь, преобразовать его, не разрушая, есть работа скульптора. Мы желаем, если можно так сказать, внуков природы. Учась у нее, известным образом подражая ей, мы пытаемся вплести в ткань материала свое понимание явлений, давая им те или иные названия. У каждого художника, несмотря на течения и моду, есть свой опыт, отличный от всех. Дело не в наличии тех либо иных приемов и даже не в ориентации на те или иные школы, или отдельных мастеров, а, скорее, в окраске и силе той энергии, тех импульсов душевных, что заставляют брать в руки топор и диктуют мотивы для изображения. Более всего меня волнуют мотивы — воспоминания пражизни, изначальные истоки ее, какие-то стержневые человеческие состояния, лишенные суеты, глубинные черты бытия, что составляют человеческое в людях.

Скульптура — это язык молчания и неподвижности. Возможно ли твердым неподатливым материалом вымолвить то, что требует долгой самостоятельной жизни среди вещей, людей, строений — в жизненной среде?

Многим это все же удавалось. Надеюсь и я.

Не позднее 1994 г.

Бронза

Если дерево дает некую (спасительную) заданность: ствол, структура и т. д., некую пластическую направленность (как камень — блоком), то бронза предназначена для "свободного полета", поскольку таит в себе без-

граничные вариации и возможности. Как тут не вспомнить определение свободы — "Сущность свободы в том, как ею пользоваться".

Это что — мягкий материал или твердый? Когда в форму льется солнце — это чудо. Когда снимается шлак и дорабатывается, доковывается, приваривается — это творческий, но чернорабочий процесс. А остается незабываемым твоё "лепление", твоё понятие пластики. Вернее, то, что остается, скованное, ограниченное твоими понятиями.

А еще остается сладостное и манящее ощущение свободы и безграничной новизны.

Отрывок из письма к сыну

...Смотри на мир широко открытыми глазами. Как сказал мудрец: "Смотри на мир четырьмя глазами: глазами холодного скепсиса и очарованного восторженного ребенка".

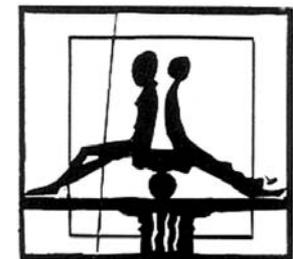
Номо ludens — человек играющий — подчас такое определение всего более подходит нам, артистам, людям, которых Господь отпускает для творчества, для осмысления и совершенствования того, что сделано Создателем не только для житейской рутины. И какое счастье — состояться в этом! И жить так, чтобы в будущем без страха, а в прошлое — без стыда.

Отрывок из стихотворения*

Улетающий узор
Невесомой занавески,
Очертания домов.
Кухни, погреба, деревьев,
Звон под крышей воробьев.

Известковая стена
Ослепительна под солнцем.
Вся смородина в цвету.

Профиль в небе самолета —
как летящая нога
или валенок летящий.

* Напечатано в сб.: "Alter ego" и "Стихотворения".

В это утро, в этот день,
В этот день, как мед
прозрачный,
В этот звон неторопливый,
в бесконечный разговор.

Как все это прекратилось
как я с вечностью расстался —
я не помню.

Мне напомнил утро детства
Воробьиный крик под
крышей,
Утро летнее, окно,
Улетающий узор
Невесомой занавески.

Записи последних месяцев

...странное дело, рядом с таким ярким явлением — южнорусской школой живописи — скульптура в Одессе как бы и не заметна. Я объясняю это бурным строительством Города, где скульпторы были особо востребованы, и некогда им было участвовать в выставках. Лепнина на домах — кариакиды, атланты, многочисленные рельефы, повсеместный декор — вот что занимало одесских скульпторов (за исключением 1-2 мэтров — Эдуардса, Мормоне и др.). Опять же — кладбище, надгробия... В советское время — монументы, те же рабочие-колхозницы, тот же декор. И только необходимость участия в тематических выставках (за что принимали в Союз художников) выявляла имена скульпторов. Впрочем, от них много и не требовалось — головы вождей, те же шаблонные сюжеты доярок, рабочих, военных и т. д.

Меня же долбали за нетрадиционный подход к скульптуре, за тематику, за то, что "це нам чужое"...

К. Костанди и традиции

Но как нагляден одесский пример! Мощно утвердившаяся на рубеже веков южнорусская школа во главе с К. Костанди (так же, как барбизонская

во Франции), безусловно являлась новаторской. Эллинские корни прижились, освоились на почве Причерноморья. Удачная селекция рождающегося края. Иначе и быть не могло, поскольку Город возникал подобно чуду осуществления человеческой мечты, где терпимость, человечность, труд, красота, любовь и свобода — были питательной средой для созидательного роста. Как сказала когда-то О. С. — "Мы — средиземноморцы".

Но почти сразу же (в 1909-1910 гг.) появляется ниспровергатель всего и вся Издебский, организовавший свои знаменитые Салоны. (...) За ним следует Кандинский и К° — это уже мировые явления... Обеспеченный советизмом полный провал, и на фоне почти погибающего искусства 50-х — появляется Юрий Егоров и те, кого О. С. отнесла к "кругу Егорова". Те, кто подтвердил живучесть начал, рожденных южнорусской школой живописи. Традиции, заложенные Костанди как в Одесской рисовальной школе, так и в мире искусства Города, явились настолько прочными и жизнеспособными, настолько динамичным оказался консерватизм (а он заключается в одном: в высоком служении художественной правде!), что, пробив мертвую кору официзма, возникли достойные продолжатели. Самым ярким и живым примером есть и остается творчество Ю. Егорова, полстолетия держащего планку высокого служения искусству.

О Хруще, о Людочке Ястреб

Таким людям первого порядка нечего бояться — у них нет страха. Проснувшаяся в молодых жажда творчества дает им отвагу видеть правду. Коротко, но подобное испытали многие. Даже я доверял своим рукам больше, чем опыту, мозгам. Таким сейчас пребывает Клим (сын Н. Степанова. — О. С.).

Таким сохранил себя Егоров — великий человек, гений.

А Людочка пронеслась, как белый ангел.

"Белая птица андеграунда", — назвала ее Олечка Савицкая.

.....

С как бы ненужной котомкой
Бомжик сидит кротко.
Плачет?
Нет, в тряпочку кашляет
Что-то с утра ему кашляется.

В мире своем тонком,
В уголочке укромном

Отплакался он, отжился,
Отстранился, отнищался,
И — даст Бог — откашляется.

Июль 2002 г.

.....

Говорят (и это сильно похоже на правду), что скульптура — языческое искусство. Красота погружается сама в себя. Спокойное наслаждение, ведущее за собой красоту и негу языческого мира.

* * *

Скульптура проста, как природа. Особенно, когда не умничаешь. Впрочем, все значительно сложнее...

"Динамический консерватизм — это осознание нашего внутреннего мистического ядра". (Свиридов.)

.....

Античный автор сказал: "Пусть одно из твоих весел касается песка". Это сказано о традициях в искусстве.

.....

Авангард — это передовой отряд. Много ли чести быть первым на пути в бездну?

.....

Что делать, ведь существуют же такие вещи, странные, ни чем не объяснимые, не управляемые, как мечты, фантазии и просто свое видение мира.

Подготовка к публикации Ольги САВИЦКОЙ

"Козлиная песнь" Зеэва Жаботинского

При всем блеске сионистских достижений Жаботинского, его подлинная биография — это во многом повесть о недоиспользованной жизни, о нереализованных возможностях, о потенциальных векторах судьбы, затерявшихся в злободневной политической сумятице. В качестве значимой проблемы я мог бы указать на некоторые перспективы, таившиеся в его эссеистике. Жаботинский был человеком право-либерального (на русском фоне — околокадетского), рационально-консервативного направления. Казалось бы, меньше всего позволительно вменять ему — просвещенному, трезвому и, главное, национально-ориентированному еврею XX века — романтико-католическую ностальгию по европейскому Средневековью. А между тем к этой, не самой уютной для евреев, эпохе он относился с какой-то душевной симпатией, о чем свидетельствуют и очерк "Advocatus Diaboli", и сюжетно связанный с ним рассказ "В темные века". Оба сочинения вполне могли бы принадлежать его старшему современнику Честертону, католическому апологету Средневековья. При известном англофильстве Жаботинского такое сходство представляется не столь уж удивительным — особенно, если принять в расчет, что почти все годы Первой мировой войны в качестве корреспондента "Русских ведомостей" провел в Англии и очень пристально следил за культурной жизнью страны; но сходство коренится гораздо глубже. Конечно, здравомыслящий, хладнокровный и скептический Жаботинский был крайне далек от любой формы религиозной экзальтации (порой он даже бравировал своим либеральным вольнодумством или безбожием). Однако и католицизм Честертон проникнут родственной стихией здравого смысла, английского common sense, только поддержанного на сей раз томистской традицией и ясной аристотелевой логикой. Его знаменитые парадоксы обусловлены этим диктатом напористой рассудительности и выверены ее мерой. Но разве иначе обстоит дело с Жаботинским? Временами он буквально неотличим от английского автора — например, от эссе последнего, собранных в книге "Вечный человек". В нее могло бы совершенно органически вписаться, допустим, следующее рассуждение Жаботинского: "Душа" человеческой массы не всегда определяется программными ярлыками, которые она приемлет или отвергает. Целый народ иногда кричит: "Хлеба и зрелищ!", а потом оказывается, что главной чертой эпохи была тогда жажда новых религий. Далеко не всегда люди, особенно в юности,